

Сто лет тому назад

В 1916 году впервые была проведена Всероссийская сельскохозяйственная перепись, которая коснулась и Дальнего Востока страны

Автор: [Ирина Манойленко](#)

[Биробиджанер Штерн](#) - [5\(14475\)10.02.2016](#)

Война не стала помехой

Сейчас в России идет подготовка к пятой сельхозпереписи. Дело это весьма затратное, и уже раздаются голоса, что лучше бы отложить ее до лучших времен, когда минует кризис.

Как же часто повторяется наша история! Сто лет назад вот так же требовали отменить объявленную Всероссийскую сельхозперепись, ссылаясь, правда, не на кризис, а на войну.

И действительно, зачем в самый разгар Первой мировой, когда часть страны была оккупирована, когда российская экономика откатилась колесом далеко назад от эталонного 1913 года, когда политическая жизнь бурлила кипятком и мощным паром выплеснулась в 1917 году в две революции, потребовалось затевать столь масштабное и требующее немалых средств мероприятие? Что подвигло к этому шагу?

А подвиг все тот же 1913 год, который в истории дореволюционной России остался самым выигранным по росту экономического потенциала. Именно тогда и возникла идея провести на территории империи сплошную сельскохозяйственную перепись. Хоть Россия в те годы активно развивала свою промышленность, она по-прежнему оставалась аграрной страной с преобладанием сельского населения. Столыпинские реформы пошатнули крестьянские устои, но село продолжало во многом придерживаться патриархальных традиций. А время требовало перемен.

Итак, в 1913 году вышло постановление Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу в 1916 году. Слово «перепись» в названии постановления, как мы видим, не фигурировало, но оно присутствовало в распоряжении министра земледелия, на основании которого принималось постановление.

Подготовка к переписи уже шла полным ходом, когда началась Первая мировая война. Бросать начатое дело на полпути не стали, и подготовительный этап продолжался еще два военных года.

В солдаты призывались в основном крестьяне. Оторванные от родной земли мужики-кормильцы мерзли и мокли в окопах, гибли в боях – первые два военных года были особенно тяжелыми. И только в 1916 году Россия одерживает две убедительные победы – в марте началась и успешно закончилась для Русской армии Нарочанская наступательная операция, а июнь отметился вошедшим в мировую историю Брусиловским прорывом.

Между этими двумя победными датами в мае 1916 года и началась первая Всероссийская сельскохозяйственная перепись.

Недавно в нашу Областную научную библиотеку поступило уникальное четырехтомное издание, в котором представлены открытки и фотографии времен Первой мировой войны. На одной из открыток, выпущенных в Германии, российский император Николай II изображен в затрапезной крестьянской одежде, на другой показана крестьянская семья, где люди и скот живут под одной крышей и едят из одной посуды. Таким вот пропагандистским методом противники старались подчеркнуть крестьянскую убогость России.

Без рабочих лошадей всего шесть хозяйств

Участвовали в Первой мировой войне и дальневосточники – в основном казаки-станичники, занятые тем же крестьянским трудом.

Территория нынешней ЕАО входила тогда в состав Хабаровского края и Амурской области. Из Хабаровского края на войну было мобилизовано 47 процентов мужчин, из Амурской области – 52 процента. Тем не менее в станицах не наблюдалось заброшенных сельскохозяйственных земель, запущенные хозяйства были редкостью.

Вот как выглядела в то время станица Михайло-Семеновская (ныне – село Ленинское):

«Население – 1002 человека, из них работников – 435 человек обоего пола. Грамотных мужчин 217, женщин – 64. Домов всего насчитывается 160, из них под железной кровлей 69, амбаров 67, конюшен 19, бань – 45. В станице насчитывается 681 лошадь, 440 коров, 159 нетелей до двух лет, 377 свиней. Без рабочих лошадей всего шесть хозяйств...».

Был переписан и сельскохозяйственный инвентарь – 273 телеги, 89 плугов, 241 борона, шесть косилок, восемь жаток, две молотилки и 13 веялок.

В станице Венцелево в том же переписном году на тысячу душ населения насчитывалось более полутора тысяч лошадей и крупного рогатого скота. Казак со средним достатком имел, как правило, три лошади, двух коров и пару быков, несколько поросят, два-три десятка кур.

За несколько лет до сельхозпереписи, в 1912 году, было проведено выборочное статистико-экономическое исследование казачьих и крестьянских хозяйств Приамурья. В список попали несколько наших станиц. Интересен отчет по станице Кукелево:

«Число хозяйств составляет 65, душ обою пола 519, работников 212, учащихся 29, из них две девочки, грамотных взрослых нет. Наличие домов 75, лошадей рабочих 427, коров и быков – 370...»

Если произвести простой арифметический подсчет, то в дореволюционном Кукелево на каждый двор приходилось по пять-шесть лошадей и почти столько же крупного рогатого скота. А семьи в этой станице были в основном многодетными, если разделить 519 душ обою пола на 65 дворов. В станице Головино в начале прошлого века на каждый двор приходилось три-четыре коровы, столько же лошадей. Побывав нынешним летом в этом селе, увидела на выгоне два десятка пасущихся буренок. Оказалось, это и есть все сельское стадо.

Почти гектар земли на душу

Но вернемся в 1916 год. Война требовала все больше средств, армию надо было обеспечивать не только оружием и обмундированием, но и продовольствием, а также фуражом. Поэтому сельхозперепись имела еще и стратегическое значение.

Что входило в обязательный перечень вопросов? Земельный фонд – в первую очередь посевные площади и сенокосные угодья, количество скота по видам. А еще – приход и расход продовольствия и фуража. Само собой, учитывалось количество населения, занятого крестьянским трудом.

Переписью были охвачены 77 губерний и областей России, кроме оккупированных районов западной части страны и северного Кавказа. Не вошли в список отдаленные Якутия и Камчатка.

Что представляло тогда сельское хозяйство нашего Приамурья? Посевная площадь на душу населения составляла 0,9 гектара – это был самый высокий показатель в Российской империи. Вот тебе и пресловутый дальневосточный гектар!

Вместо традиционной малоурожайной ржи казаки и крестьяне стали больше сеять яровой пшеницы, а рожь занимала не больше 4 – 5 процентов зерновых посевов.

Среди зернофуражных культур самой распространенной был овес – в местных условиях он давал сравнительно высокий и устойчивый урожай. Да и скупали его по хорошей цене – это был лучший корм для лошадей, которые тоже были мобилизованы на войну.

В начале XX века появились на Дальнем Востоке масличные культуры – подсолнечник и соя. В Приамурье предпочтение отдавалось подсолнечнику – он занимал больше трех с половиной тысяч гектаров. А соей в 1915 году засеивалось, по статотчету, всего 141 гектар. Куда там до нынешних 80 с лишним тысяч соевых гектаров!

Удельный вес картофеля составлял всего 5 процентов, овощей еще меньше.

Точный ответ дала статистика и на вопрос, чем обрабатывается земля. Железные плуги имелись в каждом четвертом крестьянском дворе, а у казаков – в каждом втором. Самыми технически оснащенными на территории нашей области были станицы Михайло-Семеновская, Екатерино-Никольская и Пузино. Здесь во многих хозяйствах имелись конные разбросные сеялки, железные плуги лучших конструкций, конные косилки и жатки, ручные веялки.

Тем не менее преобладал ручной труд – вручную сеяли и боролись с сорняками, серпами и косами убирали урожай.

В 1930-е годы всех, кто имел хоть какую-то сельхозтехнику, назовут кулаками и ликвидируют как класс.

Крестьянских и казачьих хозяйств насчитывалось к 1916 году в Приамурье около 37 тысяч, а сельское население составляло 223 тысячи человек. Всего же на Дальнем Востоке участниками сельхозпереписи стало более 600 тысяч человек.

Общее поголовье крупного рогатого скота дальневосточников составляло в 1916 году 369,6 тысячи голов, мелкого рогатого – 37,2 тысячи голов, свиней – 342,8 тысячи. На одно хозяйство приходилось 2,5 рабочих лошади.

Хорошо забытое старое

Избавившись как от пережитков советского прошлого от потребительских кооперативов, мы как-то забыли о том, что зародились они при царской власти, до революции. На Дальнем Востоке за 4 года – с 1913-го до революционного 1917-го – образовалось более 500 крестьянских потребительских кооперативов. В них состояла почти четвертая часть крестьянских и казачьих хозяйств.

Кооперативы предоставляли крестьянам ссуды, занимались снабжением семенами, племенным скотом, сельхозинвентарем и техникой, помогали сбывать сельхозпродукцию.

В начале этого века в рамках нацпроекта «Развитие АПК» у нас попытались возродить кооперацию на селе, но попытка успехом не увенчалась.

Развивалась сто лет назад и сельскохозяйственная наука. В 1916 году вышла уникальная книга приморского ученого С. Грибоедова «В чем будущность Уссурийского края», где он, анализируя многолетние исследования, делает такой вывод: «Местный климат неблагоприятен ранним

зерновым культурам, в частности, пшенице. В гармонии с этим климатом находятся только поздние пропашные культуры, возделываемые на гребнях (грядах)». В 1970-е годы гребневый и грядковый методы станут внедрять на дальневосточных полях как новаторские. Пропагандировать их в газете довелось и автору этих строк. Кто бы знал ...

Первая Всероссийская сельхозперепись продолжалась два месяца – с середины мая до середины июля 1916 года. Было опрошено 104,4 миллиона занятых сельским трудом жителей страны. Женщин в этом раскладе было 57,5 миллиона, мужчин – 46,9 миллиона. Эта огромная разница в десять с лишним миллионов была в том числе порождена войной.

Всего было переписано 19,2 миллиона хозяйств. Около 30 миллионов сельских жителей включить в первую сельхозперепись не удалось – в основном из-за войны.

Пережившая целый век бывшая жительница села Екатерино-Никольское Дарья Бурдинская вспоминала, что в их семье до революции, кроме посуды и тканей, ничего не покупалось: «Сами и шубы шили, и валенки валяли, ни одна шкура не выбрасывалась. Отец и скорнячил, и кузнечил – сам инструмент делал. Мать умела мыло варить, зерно сами мололи, – все свое было. Не жировали, но и не голодали, хлеб с маслом был всегда», – вспоминала сторожилка, пережившая сельхозперепись 1916 года.

В 1990-е суровые годы, когда ввели талоны, баба Даша в свои почти сто лет начнет выращивать табак, печь свой хлеб. Даже пыталась варить мыло. До лучших времен нового века Дарья Александровна Бурдинская не дожидается.

Крестьянский огород в 1916 году